

«Всю жизнь буду просить прощения». Монологи о потерях. Часть 3

Люди научились летать в космос, варить тысячу видов пива и медитировать миллионом способов, но так и не научились справляться с потерями. Специально для ENU Times Анастасия Тумель записала монологи белорусок, переживших самую радикальную потерю: смерть ребенка. Кто-то ушел в религию, кто-то много лет боится притронуться к мужу, кто-то просто пребывает в отчаянии почти полвека. Перед вами — заключительный монолог

Майя, 63 года :

1 апреля моему сыну исполнился бы 41 год. Он был красивый мальчик. Хорошо развивался. Но к 10 месяцам я стала замечать, что он не двигается. Все дети уже стремятся встать, ползают, а ему это как будто неинтересно. Стоит в кроватке, отпускает руки и падает, больше не встает.

В детском саду он был в обычной группе с детьми, но его одевали и раздевали воспитатели. В школе, в нулевом классе его оставили на второй год и отправили в спецшколу. В спецшколе нам дали заключение, что он необучаем. А когда ему исполнилось 16 лет, дали группу по инвалидности. Читать, писать и считать он так и не научился.

Мы его по больницам возили и один профессор нам сказал, что это неизлечимо, как если палец отрезать, и он не вырастет. Почему так произошло? Какая-то Божья кара. Мы же были молодые, здоровые, без всяких вредных привычек.

На работе все женщины хвастались своими детьми и их успехами, а мне всегда было немного обидно. Поэтому я захотела еще ребёнка. Спустя пять лет после Игоря у меня появилась дочка. Они с Игорем вели себя, как обычные дети: бывало подерутся, пожалуются друг на друга или что ещё.

Игорь был самый обыкновенный мальчик: добрый и спокойный. Сядет у ног, голову положит мне на колени и ждет, когда начну гладить. Никому плохого он ничего не делал. Помню, был один мальчик, сейчас уже взрослый человек, которого он учил кататься на велосипеде.

Разговаривал он немного по-детски. Слова растягивал, говорил что-то невнятное. Со временем у него произошло искривление позвоночника, в движениях появилась какая-то расхлябанность. Помню, он чего-нибудь натворит... Как-то он научился нитку в иголку вставлять и начал все по дому зашивать. Я его пару раз за это шлепнула. Но Бог всегда меня потом наказывал: то где-нибудь рукой ударюсь, то синяк поставлю. Не надо бить Игоря.

О нем у нас в семье не говорили. Вот он у нас просто есть и все. Друзья, близкие — все знали, что у меня был проблемный ребёнок. Но я никому не жаловалась и никому на свете не рассказывала ничего. С мужем мы эту тему не поднимали. Не знаю, может и боялись, а может, неловко было. Возможно, на этой почве у нас с ним и были сложные отношения. Каждый самостоятельно нёс этот крест. Муж начал выпивать неслабо, а когда сына не стало, ещё хуже начал пить. Мы потом развелись, может не из-за Игоря, а по квартирному вопросу.

Когда я и муж были на работе, мы оставляли Игоря у моей мамы. Она говорила, что он ей помогал. Приносил торф или дрова, заносил свиньям еду. Но вообще он только телевизор любил смотреть. Включал себе какой-нибудь фильм и сидел один. Потом приходил мне рассказывать. Сюжет весь не мог, но вот «Ваня убил Маню» или кто с кем целовался — он мог.

К 20 годам он начал сам выходить на улицу. Я на обед только прибежала, чтобы его покормить. Хотя еду он мог сам себе погреть, чайник поставить. Вареную картошку порезать, пожарить и разбить туда яйцо. Суп сварю, а он мясо оттуда доставал и съедал.

Вот однажды он пошел на улицу. За что я корю себя и буду корить всю жизнь, что я была тогда на работе. Игорь утром встал, не завтракал, хоть я ему и оставила еду, и ушел. Целый день никто не спросил, где Игорь. Никто. Никому не было дела. Я пришла с работы, на столе стоит нетронутая еда. Начали мы его искать. Соседи потом подключились. Пошли по городу. Потом с подругой поздно вечером пошли в милицию заявить, что он пропал. Выходим из здания, а там на улице стоит милицейская машина. И слышим, как по громкой связи говорят, что машина сбила парня на трассе. Меня как резануло. Но все равно мы пошли домой. Места не могли себе найти, уже весь город обошли, начали плакать.

А через час мне звонит знакомая и говорит, что наш Игорь в больнице, его сбила насмерть машина. Мы закричали, заорали и побежали в больницу. Милиция мне вопросы задавала, просили что-то подписать. Я читала-читала, а что читаю, не понимала. Человек какой-то зажатый в углу сидел. Я сначала не могла понять, кто это. Потом мне только сообщили, что это тот, кто сбил Игоря. Милиция затем ко мне домой ещё приезжала, просила заполнять какие-то документы, сказали, что дело закрывают, потому что состава преступления нет. Они ещё пообещали, что водитель приедет ко мне просто поговорить, хотя он совершенно не виноват. Меня убедили, что он не виноват. Так сложились обстоятельства: водитель ехал, Игорь вышел на разделительную полосу в темноте, тот его бортанул, Игорь упал и умер. Милиция мне всё говорила понять этого человека, ведь он тоже стресс перенёс, к психиатру попал. Попросили не кидаться на него и не кричать. Они о нём так беспокоились, как будто я

была похожа на какую-то змею. Но водитель так ко мне и не пришёл, хотя в душе я надеялась, что он появится. Мне кажется, что он должен был ко мне прийти. Вот просто в глаза ему посмотреть. Мне сказали, что он придёт, и я почему-то ждала. Но так никто и не пришел.

Муж 9 лет назад умер. Теперь я живу вместе с дочкой. Она красавица и очень талантливая. Поёт и танцует у нас в доме культуры. У нее двое мальчиков. Я нарадоваться им не могу. Но чувство вины у меня осталось на всю жизнь. Что Игорь родился такой. Что мы не уберегли его. Я всю жизнь буду помнить о нём и всю жизнь буду просить у него прощения. Видимо, мы не справились с ношей, которую Бог нам дал.